

Е.А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

**Том 28. Сумма трех слагаемых.
Неслыханное дело. Петровские
дни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е.А. Салиаса: Том 28. Сумма трех слагаемых.
Неслыханное дело. Петровские дни / Е.А. Салиас – М.: Книга по Требованию,
2013. – 524 с.

ISBN 978-5-458-52676-0

ISBN 978-5-458-52676-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СУММА ТРЕХЪ СЛАГАЕМЫХЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

БЫЛО апрѣльское утро, свѣжее, сѣренькое, дождливое... Въ центрѣ Москвы, въ красивомъ барскомъ домѣ — тихо. Хозяинъ еще спалъ. Въ его большой спальнѣ — совершенно темно отъ спущенныхъ бѣлыхъ сторъ и тяжелыхъ занавѣсей.

Около десяти часовъ, спавшій вдругъ проснулся, какъ отъ толчка, сѣлъ въ постели и прошепталъ:

— Во снѣ что ли? Нѣтъ, это было уже въ полуснѣ... Какъ чуть очнулся, такъ и взволновался... отъ насущнаго. Такъ бываетъ, говорятъ, у людей, у которыхъ большое горе или просто большая бѣда. Забудется все во снѣ, а чуть начнется явь, — ощущение тяжести на душѣ является прежде сознанія о томъ, кто ты, что ты, и гдѣ ты...

Помолчавъ мгновенье, онъ снова забормоталъ. Разговаривать вслухъ съ самимъ собой и даже шутить было его привычкою — и любимой.

— Да, да... Ну-т-ка... Кто я?... Я — Алексѣй Борщовъ, бывшій лейбъ-гусаръ. Только-что воевалъ; венгерцевъ усмирять и вышель въ отставку. А что я такое? Товарищи въ полку звали на разные лады — мудрецомъ, барышней, тюленемъ, Сократомъ Платоновичемъ и преподобнымъ Алексѣемъ Божиимъ человѣ-

комъ. Звали тоже и абракадабрисомъ. А гдѣ я?... Да въ той же Москвѣ, гдѣ родился, и въ томъ же дѣдовскомъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ. А что я теперь собираюсь учинить съ собой? То-то вотъ, братецъ. Къ этому я и веду рѣчь. Что? Даже жутко подумать.

Онъ собрался-было позвать, какъ всегда, лакея для того, чтобы тотъ поднялъ занавѣсы, но остановился и опять заговорилъ вслухъ:

— Это одинъ изъ самыхъ роковыхъ моментовъ жизни. Мнѣ кажется, что иногда оно похоже на то, что человекъ облегчаетъ миллиону свалиться къ нему на голову. Миллиону нравственному, а не изъ рублей состоящему. Чортъ ли въ этокомъ!.. Иногда же оно похоже на то, что человекъ шалитъ заряженнымъ пистолетомъ, со взведеннымъ куркомъ, и приставляетъ его то къ виску, то къ глазу, забавляясь тѣмъ, что находится на волосокъ отъ смерти.

И вздохнувъ глубоко отъ волненія, онъ провелъ руками по головѣ и по лицу.

— Да, день!—зашепталъ онъ.—Денежъ начинается. День въ жизни великій. И какимъ тамъ Сократомъ Платоновичемъ или абракадабрисомъ я ни будь, по мнѣнью товарищей, а все-таки по неволѣ начнешь раздумывать и всякую всячину приплетать. Прямо таки страшно. И ужъ, конечно, страшнѣе, чѣмъ на войнѣ. Что тамъ? Ничего. Двумъ смертямъ не бывать. А тутъ впереди цѣлая вереница привидѣній на встрѣчу тебѣ идетъ по той дорогѣ, которую ты берешь. Да. Невѣдомыя условія предстоящей новой жизни—это именно призраки страшные. А между тѣмъ ты ихъ на себя самъ же и вызываешь. Оставайся. Не вступай на эту дорогу. Стой или возьми другую, гдѣ не предвидится встрѣча съ привидѣніями.

Борщовъ вздохнулъ снова и прибавилъ громко на всю спальню, какъ еслибы обращался къ кому-нибудь:

— Да, да. Это такой шагъ, послѣ котораго жизнь принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ. Начинается новая стадія земного существованія. Да еще какая стадія!.. Она всю жизнь мою захватить, заполнить.

И Борщовъ, вмѣсто того, чтобы позвонить своего давнишняго лакея, крѣпостного человека Степана, вылезъ изъ постели, накинулъ халатъ и самъ раздвинулъ занавѣсы на окнѣ и поднялъ стору. Глянувъ на улицу, онъ удивился. Несмотря на его якобы мрачное философствованіе, на душѣ его было

въ дѣйствительности такъ свѣтло и радостно, что онъ былъ удивленъ, увидя хмурое небо и накрапывающій дождь. Ему почему-то представилось, что въ такой день его жизни и погода должна быть дивная.

Тѣмъ паче слѣдовало ожидать этого, что весна была на дворѣ, снѣгъ уже давно сошелъ, а на трехъ чахлыхъ деревьяхъ сосѣдняго церковнаго двора видѣлись уже съ недѣлю почки.

Борцовъ отворилъ окно, выставленное наканунѣ, желая подышать чистымъ, теплымъ воздухомъ, но на него пахнуло сыростью, подулъ легкій свѣжій вѣтерокъ будто съ запахомъ тающаго гдѣ-то снѣга.

Внизу на улицѣ видѣлось нѣсколько прохожихъ, больше простой народъ, но въ ту же минуту проѣхала большая карета четвернею цугомъ... Мальчишка форейторъ нещадно стегалъ „подручнаго“ гнѣдого коня... Кучеръ съ окладистой бородой важно возсѣдалъ среди огромныхъ и широкихъ козелъ подъ голубымъ чехломъ съ серебряной бахромой и съ гербомъ. Два ливрейныхъ лакея, стоя на запяткахъ и держась руками за ремни, увидѣли Борцова у окна и ухмыльнулись ему изъ вѣжливости. „Знакомый баринъ!“—говорили ихъ добродушные лица.

Борцовъ тоже при видѣ этой кареты, кучера и лакеевъ пробурчалъ себѣ самому:

— Князь Задонскій? Куда такъ рано?

Странное совпаденіе будто слегка озадачило его. Почему онъ сегодня, въ этотъ особенный, знаменательный день, самъ поднялъ занавѣсы, глянулъ на улицу и перваго человѣка, котораго увидѣлъ, именно проѣзжающаго князя... Именно его, князя Виктора Юрьевича Задонскаго? Вѣдь онъ, и одинъ онъ, въ Москвѣ—его соперникъ.

— Впрочемъ, какой же это соперникъ?—громко воскликнулъ Борцовъ.—Мямля, байбакъ... Зачѣмъ онъ къ Ипатовымъ ѣздитъ и ежедневно у нихъ торчитъ отъ зари до зари—неизвѣстно никому.

И закрывъ снова окно, Борцовъ отошелъ и разсмѣялся.

— Даже ему самому неизвѣстно! Привозить букеты и все пристаешь, чтобы въ воду поставили... А то цвѣты-моль завянутъ. Привозить конфеты, и самъ, болтая, съѣдаетъ ихъ до гла. Добрый человѣкъ, но... соперникомъ ничѣмъ и ни въ чемъ быть не можетъ. Хотя онъ въ Надю влюбленъ... Поло-

жительно! И давно. Въ началѣ зимы уже говорила вся Москва, что онъ—ея женихъ.

Борщовъ началъ тихо двигаться по комнатѣ, не ходить, а бродить, какъ еслибы искалъ что-нибудь.

— Странная это черта характера!—началъ онъ снова бурчать себѣ подъ носъ.—Люди говорятъ, что это якобы гамлетовская черта. Все обсуждать, все взвѣшивать, все разбирать по ниточкѣ, и каждую ниточку обглядывать, обнюхивать со всѣхъ сторонъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ бояться сдѣлать шагъ... Все собираться только дѣйствовать. Но теперь-то? Рѣшился ли я? Понятно, рѣшился. Конецъ. И давно бы пора. Давнымъ-давно. Еще въ новый годъ, помню, на волоскѣ висѣло, во время мазурки... А теперь уже апрѣль... И что меня остановило? Остановила мысль, что глупо, пошло, даже какъ бы оскорбительно для собственнаго достоинства сдѣлать предложеніе среди глупаго пляса. И вотъ, отложилъ до слѣдующаго дня... А на утро, вотъ здѣсь же, такъ же вотъ, проснулся, сталъ разсуждать и испугался... И отложилъ совсѣмъ...

Постоявъ среди комнаты, Борщовъ выговорилъ громко и съ чувствомъ:

— Конецъ! Я ее люблю. И она меня любитъ. Я это знаю. Такъ что же? Чего философствовать, да разбирать по ниточкамъ и чувство свое, и всѣ послѣдствія поступка. Конецъ!

Онъ позвонилъ и, при появленіи лакея, весело и бодро приказалъ полушутя:

— Ну-съ, Степанъ Макарычъ, пожалуйста. Умыться, бриться, облачатся и чай пить. И полную форму тащи сюда!

— Сами поднались, да еще и мудиръ давай? — удивился лакей.—Это что же такое?

— Чудеса въ рѣшетѣ, Степанъ.

— Понятно, чудеса! Аль балуетесь?

Камердинеръ, пожилой человѣкъ лѣтъ пятидесяти, уже около двадцати лѣтъ ходившій за своимъ барчукомъ, а потомъ баринномъ Алексѣемъ Андреевичемъ, обожалъ его, конечно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обращался съ нимъ вполне фамиллярно.

— Сегодня такой день, Степанъ... Все одно что большой праздникъ или день именинъ, либо рожденіе мое... Я жениться собрался. Вотъ тебѣ!

Степанъ помолчалъ нѣсколько мгновений, глядя барину въ лицо, и наконецъ выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Что же! Благослови Господь. Дѣло доброе.

— Чего же ты, будто огорчился или оробѣлъ?

— Наше холопское дѣло такое... Вотъ ходилъ, ходилъ... А тутъ барыня... Не угодилъ ей, — она и турнула. А я, коли за вами не ходить, такъ хоть въ рѣчку. Привыкъ.

— Ну, это не бойся... Не такая она—моя будущая супруга.

— Онѣ, я знаю, добрыя.

— Стало быть, догадался—кто?

— Эвосья... Тутъ не приходится догадываться. Вѣстимое дѣло — Надежда Павловна... Люди всѣ давнымъ-давно сказываютъ. И наши, и ихніе...

— Да, правда, Степанъ. Я давно собираюсь. Всю зиму почти. Да все страшно было... Такое дѣло, что возврата нѣтъ. Вся жизнь отъ этого будетъ такая или сякая.

— Не знаю, Алексѣй Андреевичъ, почему господа это такое разсужденіе имѣютъ. По нашему, что же тутъ такого особливаго? Жисть—жистью, а супружество — супружествомъ. Одно другому не мѣшаетъ.

— Вотъ ты и врешь. Я тебѣ сейчасъ докажу, что мѣшаетъ. Ты былъ женатъ? Овдовѣлъ? Были у тебя два сына, а теперь одинъ Илюша. Другой — попалъ зимой въ прорубь и много заставилъ тебя слезъ пролить. И ты всегда соглашался, что еслибы не женился ты—этого горя у тебя бы не было. Или женился бы на другой, на той, что тебѣ тогда прочили, на косой Аграфенѣ. А она и теперь еще жива, потому что была здоровенная всегда, и дѣтей было бы у тебя—сколько у нея теперь. Куча, чуть не дюжина.

Степанъ усмѣхнулся и замоталъ головой.

— Это я все знаю. Отъ васъ сто разовъ слыхалъ и сто разовъ вамъ докладывалъ, что это вы все путаете. Это—господское разсужденіе и все колобродство одно. А жисть у всякаго человѣка своя собственная, какая ему положена. И финтить ему недляче ..

Черезъ полчаса Борцовъ уже сидѣлъ въ большой столовой своей истинно-барской квартиры, завтракалъ и просматривалъ газеты, двѣ русскихъ и одну французскую. Онъ почти одинъ въ своей средѣ начиналъ день завтракомъ съ газетами. Это была привычка, пріобрѣтенная за границей, за время двухлѣтняго пребыванія по болѣзни.

Изъ газетъ онъ узналъ важное извѣстіе. Въ Парижѣ дѣла шли плохо. Наступали смутные дни. Республиканское правительство, свергнувшее ороля Людовика-Филиппа, казалось, ви-

сѣло само на волоскѣ, потому что ожидалась, чувствовалась контръ-революція.

— Ну, и Христось съ ними!—воскликнулъ онъ весело.— У меня дѣло важнѣе... И дни тоже предстоятъ революціонныя...

Борщовъ уже кончилъ завтракъ, когда одинъ изъ старыхъ крѣпостныхъ лакеевъ вдругъ вбѣжалъ въ столовую съ парадной лѣстницы.

— Алексѣй Андреевичъ!—воскликнулъ онъ:—Митрій Митричъ пожаловаль...

— Гдѣ? Что?!—вскочилъ Борщовъ.

— Вотъ-съ... извольте поглядѣть. Только-что подѣхали.

Борщовъ бросился къ окну и увидѣлъ у подѣзда своего дома большой дорожный экипажъ, именуемый „dormeuse“, страшно запачканный, почти рыжій отъ пыли и грязи. Четверка худыхъ, заморенныхъ почтовыхъ лошадей какъ-то не шла хотя и къ загрязненному, но все-таки элегантному „дормезу“.

Изъ дворецъ кареты, отворенной швейцаромъ, вылѣзаль плотный, даже толстый человѣкъ, лѣтъ сорока.

Это былъ другъ Борщова и товарищъ по полку, тоже бывшій гусарь, но тоже бросившій службу и жившій въ деревнѣ.

Борщовъ быстро растворилъ окно и крикнулъ:

— Верзилинъ! Какими судьбами?

Толстякъ поднялъ голову и кивнулъ головой.

— Судебъ никакихъ!—крикнулъ онъ.—Зачѣмъ противорѣчишь себѣ! Омерзительное, подлое, братецъ, происшествіе... И вотъ къ тебѣ!.. Въ Москву. Къ Косолапамъ.

Борщовъ бросилъ салфетку на столъ и быстро двинулся на лѣстницу. Друзья облобызались, а черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжій товарищъ ужъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Вещи его вносились въ домъ.

— Да объяснися толкомъ!—сказаль Борщовъ.—Я не пойму. Отчего вдругъ собрался? И безъ жены! Ты никогда съ ней не расстаешься.

— Мерзопакостное, говорятъ тебѣ, происшествіе,—сумрачно отвѣтилъ Верзилинъ, любившій всегда шутить самымъ серьезнымъ голосомъ и съ самымъ угрюмымъ лицомъ.

— Слышалъ. Да какое?

— Ко мнѣ повадился шляться да вокругъ меня увиваться и примѣриваться не кто иной, душа моя, какъ самъ Кондратій.

— Какой Кондратій?—вытаращилъ глаза Борщовъ.

— Кондратій Ивановичъ—пріятель всѣхъ тучныхъ домош-
довъ. И вотъ, сталъ онъ собираться меня хватить... Но я не
будь глупъ, душа моя, сейчасъ смекнулъ... Съ недѣлю назадъ,
смотрю—красныя звѣздочки и таракашки послѣ обѣда начали
прыгать передо мною. А тамъ, дня четыре тому вдругъ...
Хлопъ! Нога правая и рука вотъ, тоже, малость самую, запо-
чивали, сами безъ меня спать собрались. Ну думаю, врешь,
голубчикъ Кондратій, не на того попалъ. Не даромъ у меня
отца родного да старшаго брата ты, треклятый, хватилъ. И я
стало быть, ученый... И вотъ тотчасъ собрался—и маршъ сюда,
въ Москву, къ Косолапамъ. Что они укажутъ, черти--посмотрю.

Борщовъ началъ смѣяться, вспомнивъ, что другомъ такъ
звались Эскулапы.

— На все согласенъ. Только на одно не пойду... Если
запретятъ мнѣ хересъ да велятъ пѣшкомъ ходить всякій
день,—это—ни-ни! Врутъ.

— Именно это-то самое и велятъ!—хотелъ Борщовъ.—
Вѣдь ты еще въ полку въ этомъ былъ грѣшенъ. Тебѣ и
тогда предсказывали, что кончишь ударомъ. Ну, вотъ...

— Никогда!... Не предсказывали, а каркали, — и накар-
кали, черти. Предсказаніе тѣмъ хорошо, что оно есть преду-
прежденіе. Предсказала мнѣ разъ одна цыганка-гадалка,—
какъ и всѣ ошъ, — что я кончу жизнь тѣмъ, что утону; но я
этому, понятно, не вѣрю. А еслибы я это и вѣрно зналъ, то
я, душа моя, въ дождикъ на улицу выходить бы не сталъ.
Графины съ водой къ обѣду ставить запретилъ бы. А ужъ
умываться—избави Богъ. Никогда. Однако все-таки я теперь
вспомнилъ, что мнѣ въ Петербургѣ накаркали это и доктора...
И какъ только этотъ подлецъ, Кондрашка, толконулъ меня
теперь малость, такъ вотъ я сейчасъ же и собрался сюда...
И приму всѣ мѣры... Наша жизнь — въ нашихъ рукахъ!..
Впрочемъ, я забылъ совсѣмъ... Ты вѣдь отчаянный... Какъ,
бишь, это... Тьфу! Слово забылъ... Ну, нашъ Михаилъ Юрье-
вичъ любилъ его и часто повторялъ.

— Лермонтовъ? Да. Любилъ... И правъ оказался, пожалуй...

— Какъ слово-то?

— Фаталисть!

— Во! во!.. Ты вѣдь этой чепухой тоже зараженъ. Тоже
вѣришь, что жизнь наша на небесахъ написана и подписана
кѣмъ-то. Быть по сему! И конецъ! Какъ ни вертись.

— Нѣтъ. Я, собственно, вовсе не фаталистъ, — задумчиво отвѣтилъ Борщовъ. — А я вѣрю, что если вотъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы взять вправо, вдругъ возьметъ влѣво, то зонечно...

— Такъ! Такъ! Помню! Слыхалъ! — перебилъ Верзилинъ. — И никогда твоего ученія я понять не могъ. Скорѣе пойму, то, вотъ, написано, молъ, на облацѣхъ небесныхъ: «оставлю полковнику лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Дмитрію Верзилу отдать Богу душу изъ-за подлеца Кондрашки!» Но и не враки. Не можетъ тоже быть. Было бы написано, то было бы и неизбѣжно. А мы можемъ себя заранѣе ограждать. Нѣтъ, душа моя, еслибы, вотъ, Михаилъ Юрьичъ не лѣзъ на сѣхъ, то былъ бы живъ... Ты что же это, другъ? — прибавилъ толстякъ: — будто не весель, пригорюнился? Эй! про- нисся!

Борщовъ, дѣйствительно, сидѣлъ задумавшись глубоко и, грѣдя въ себя, вымолвилъ:

— Пригорюнишься, братецъ... Я жениться собрался.

— Во! Дѣло капитальное. Надо мозги расправить по револѣ. Надо подумать, да и подумать. Иное дѣло, кабы это на небесахъ было прописано... И даже съ росчеркомъ. Тогда бы ничего. Валяй какъ по писаному.

— Да вотъ, Дмитрій, — серьезно заговорилъ Борщовъ: — я теперь чую, что стою якобы на перепутіи. Двѣ дороги. Одна дорога — счастье всей жизни. Другая — если не несчастье, то...

— Осѣчка.

— Да. Но иная осѣчка въ жизни — дѣло ужасное.

— Хуже, пожалуй, чѣмъ осѣчка на мѣдвѣда, который къ гебѣ на заднихъ лапкахъ шагаетъ, имѣя намѣреніе не шаркнуться, а шаркнуть.

И послѣ паузы Верзилинъ прибавилъ:

— Но, серьезно говоря, по душѣ, — это, братъ намѣреніе чудо. Дивное, велелѣнное! Сто лѣтъ проживешь, — ничего умнѣе не надумаешь. Всякая тварь да бракосочетается и да хвалить Господа! Такъ въ писаніи не сказано только по недосмотру. Надо бы еще прибавить: «не оженивыйся псой пахнетъ».

— Чего ты только не совершь! — невольно засмѣялся Борщовъ.

— Извѣстное всему міру природное явленіе, душа моя. Всякій старый холостякъ начинаетъ псиной отдавать. И старья

дѣвицы тоже... Брюнетка—калеными орѣхами, а блондинка—желудковымъ кофеемъ.

Борщовъ снова раза два начиналъ серьезно заговаривать съ старымъ товарищемъ о своемъ насущномъ дѣлѣ, которое поглощало его, но возможности не было. Полковникъ отвѣчалъ шутками и прибаутками.

Однако, въ дружеской бесѣдѣ прошло уже не мало времени, и Борщовъ, узнавъ, что уже второй часъ, быстро собрался заняться своимъ туалетомъ. Онъ непременно хотѣлъ, и въ силу обычая, и ради удовлетвореніе какого-то торжественнаго внутренняго чувства, ѣхать въ полу-парадной формѣ. Обыкновенно онъ ходилъ въ статскомъ платьѣ, и только въ особые дни облачался въ мундиръ, заслуженный въ венгерскую кампанію.

Около двухъ часовъ Борщовъ былъ уже на Кузнецкомъ Мосту и въ знаменитомъ магазинѣ золотыхъ вещей Розенштрауха покупалъ браслетъ съ огромнымъ рубиномъ и брилліантами.

«Это будетъ память о нынѣшнемъ днѣ!—думалъ онъ.— Вырѣжемъ потомъ число и мѣсяцъ. И я ее попрошу носить, никогда не снимая».

Оставалось только купить конфетъ, что часто дѣлалъ онъ,— а на нынѣшній день, исключительный, могъ бы и обойтись безъ этой любезности.

— Все равно!—рѣшилъ онъ.—По дорогѣ...

И онъ приказалъ кучеру ѣхать на Тверскую, въ модную кондитерскую Файѣ. Выбравъ красивую бомбоньерку, въ ожиданіи, пока ее наполняли двумя фунтами разныхъ конфетъ, онъ отошелъ къ окну и, глядя на улицу и прохожихъ, задумался.

«Да, сегодня... наконецъ»...

«Это слово «наконецъ», мысленно произнесенное вслухъ, вдругъ удивило его самого. Оно было неподходящимъ къ положенію. «Наконецъ»—можно сказать лишь послѣ борьбы и побѣды, послѣ преодоленія какихъ-либо препятствій... А въ данномъ случаѣ ничто не стояло преградой между нимъ и осуществленіемъ его мечты о счастьѣ,—кромя его сборовъ.

Ипатовы, мужъ и жена, пожилые люди, заурядно почтенные, были одними изъ видныхъ представителей стараго мо-

ковскаго дворянства. Онъ—любимый предводитель дворянства дальняго уѣзда; она—любимая устроительница большихъ и великихъ обѣдовъ и баловъ. Ихъ сынъ Левъ—добрый малый, причисленный къ канцеляріи графа Закревскаго, московскаго затрапа, первый танцоръ и дирижеръ, но и не послѣдній купила у Яра и Шевалье. Ихъ дочь—всѣми любимая Надя, и побывая равно молодыми и старыми за что-то особенно кроткое, мягкое, ласкательное во всемъ ея существѣ.

Надя Ипатова выѣзжала уже третью зиму, а между тѣмъ Борщовъ, начавшій часто бывать у Ипатовыхъ, считался лишь первымъ ея претендентомъ. Его перваго Москва зачислила въ женихи Нади. До тѣхъ поръ вся молодежь очень любила m-lle Nadine, но никто за ней не ухаживалъ. Пріятельницы повѣряли ей, самой близкой, самой сердечной подругѣ, всѣ свои тайны. А ей нечего было имъ повѣрять. Кругомъ нея, каждую зиму, всѣ эти пріятельницы выходили замужъ, становились матерями, «открывали» новые дома въ Москвѣ или исчезали въ провинцію, а Надя, имѣя все за собой,—оставалась.

Только въ эту зиму появился наконецъ и около нея человекъ, къ которому тотчасъ же и родители, и друзья, и вся среда, отнеслись какъ къ жениху. Это былъ Борщовъ. Одновременно, однако, съ этимъ женихомъ въ домъ ихъ постоянно пребывалъ по старому другой человекъ. Это былъ москвичъ родомъ, долго отсутствовавшій и снова поселившійся въ своемъ домѣ на Кисловкѣ. Но его не причисляли вообще къ категоріи жениховъ.

«Князь Задонскій никогда не женится!»—было давно рѣшено московскими родителями невѣсть.

Сидя уже третью зиму почти безвыходно въ домѣ Ипатовыхъ, князь не ухаживалъ за Надей, хотя постоянно возилъ ей цвѣты и конфекты. Но раза два въ зиму онъ садился вдругъ въ дилижансъ и уѣзжалъ на время въ Петербургъ, гдѣ—какъ было хорошо извѣстно москвичамъ—онъ такъ же безвыходно сидѣлъ въ домѣ генерала барона фонъ-Альтбаха и такъ же возилъ букеты и конфекты его дочери Эмилиі.

Затѣмъ, вернувшись въ Москву, онъ тотчасъ же аккуратно начиналъ посѣщенія Ипатовыхъ, гдѣ его искренно любили всѣ, давно считали другомъ дома, но, конечно, не женихомъ, да пожалуй и не «парой» для Нади. Задонскому было уже сорокъ-пять лѣтъ, а ей только-что минуло двадцать-два... Онъ не танцовалъ, игралъ—и очень скверно—въ вистъ-преферансъ, и, проводя вечера въ Англійскомъ клубѣ, считался политика-